

В. А. Квинт¹

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ КАК НАУКИ

Человечество как минимум три тысячи лет пытается предвидеть свое будущее. Картины будущего всегда рисуются и познаются на грани сознания и подсознания и представляют собой симбиоз рационального и иррационального. Пророки, провидцы, предсказатели, а затем и прогнозисты, последовательно создавая «сценарии» движения к будущему или непосредственно предопределяя сюжеты далекой перспективы, по сути наполняли смыслом и содержанием само развитие человечества. Пророки и провидцы, предвидя и предсказывая несказанное величие будущего или предрекая страшный рок, иногда излишне детально, а иногда бесконечно обще описывали перспективное мироздание или миропорядок. Постепенно методология практики предвидения через футурологию привела к формированию более строгих наук понимания будущего и траектории движения к нему. Так появилось прогнозирование. Но развитие производительных сил общества, человеческих отношений в процессе производства и распределения материальных благ и услуг требовало все более точных характеристик будущего и построения наиболее быстрых и эффективных траекторий движения к нему. Прежде всего в силу глубинных интересов экономического характера стало складываться долгосрочное планирование. Однако между прогнозированием и долгосрочным планированием отсутствовал очень важный элемент, предопределяющий возможные сценарии движения к долгосрочному будущему, позволяющий выбирать из множества ориентиров на пути к далекой перспективе те, которые ведут к истинным приоритетам и целям, реализующим сущностные интересы обществ, коллективов и индивидуумов. Тем не менее общество и его лидеры испытывают проблемы и трудности преобразования различного вида прогнозов в более точное и детальное *планирование* движения в будущее, поскольку между двумя этими видами деятельности существует вакуум, который постепенно начал наполняться практикой стратегирования, осмысления и аналитических исследований, которые в начале XIX века привели к появлению первых признаков и научных публикаций, отражающих формирование стратегии как науки. После

этого постепенно начали определяться методологические основы и аналитический аппарат новой сферы научных знаний.

Последовательность процессов прогнозирования, стратегирования и планирования

Стратегическая практика сущностно нашла широкое отражение во многих первоисточниках: трактатах, сочинениях и трудах, в которых подтверждается ее трехтысячелетняя история. Практику стратегии можно проследить не только в анализе исторических документов, но и в сакральных текстах, в описании подвигов мифологических героев. Что касается теории стратегии, то это исключительно молодая, формирующаяся наука, которая насчитывает приблизительно 200 лет. Вместе с тем истоки данной науки обнаруживаются во многих философских работах и исторических трудах, наиболее древними из которых можно считать книгу древнегреческого историка Фукидита (V в. до н. э.) «История Пелопоннесской войны» или древнекитайский трактат «*Законы войны почтенного учителя Суня*», приписываемый военачальнику VI–V веков до н. э. Сунь-цзы. Среди великих лидеров древности есть только один, авторство трудов которого, сущностно посвященных принятию стратегических решений, неоспоримо — это Гай Юлий Цезарь (I в. до н. э.). Его восьмитомник «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне» в трех книгах являются первыми из дошедших до нас трудов великих полководцев и государственных деятелей.

Необходимо подчеркнуть, что ни в одной из книг Цезаря, так же как ни в одном из трудов других авторов до него и несколько столетий после, не содержится термин «стратегия». Однако в переводах работ Сунь-цзы, Цезаря и других древних классиков этот термин неправомерно используется переводчиками. Другая проблема категории «стратегия» заключается в том, что этимология этого слова связана с древнегреческим термином «стратег». Но и здесь существует ловушка. В Древней Греции этот термин не связывался с крупнейшими лидерами, «инфляция» этого слова, произошедшая более двух тысяч лет назад, привела к тому, что стратегами начали именоваться любые администраторы и функционеры вплоть до руководителей небольших территорий и подразделений. После долгих исследований самый ранний пример использования термина «стратегия», хотя и как прилагательного, мне удалось найти в труде «Стратегикон» византийского императора Маврикия, правившего в VI–VII веках н. э. Самое раннее из дошедших до наших дней издание этого труда датируется 1664 годом.

К становлению стратегии как науки имеют отношение труды нескольких философов, военачальников

¹ Иностраный член РАН (США), заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор около 500 научных публикаций, изданных за последние годы в США, Албании, Великобритании, Словении и других странах, в т. ч.: «Strategy for the Global Market», «The Global Emerging Market: Strategic Management and Economics» и др.; ряд работ переведен в России: «Концепция стратегирования», «Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке» и др. Почетный доктор и профессор ряда университетов России, США, Албании, Словении, Украины, Узбекистана, Казахстана. Почетный исследователь Ново-Английского центра международных и региональных исследований (США), член Всемирной академии искусств и науки (США). Награжден орденами Почета, Дружбы, почетной грамотой Совета Федерации Федерального собрания РФ, золотой медалью Н. Кондратьева, а также научными наградами России, Албании, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Казахстана, Киргизии, Словении, США, Украины. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова за научные работы I степени.

и государственных деятелей, но непосредственно анализ стратегии как специфической деятельности и разработка ее правил впервые предприняты в работах двух военачальников, ставших первыми теоретиками этой науки, — генералов Генриха Жомини и Карла фон Клаузевица. Если быть точным, то труд Жомини «Общие правила военного искусства», опубликованный в 1817 году в Санкт-Петербурге «по высочайшему повелению» императора Александра I, на 15 лет опередил книгу «О войне», изданную вдовой Клаузевица в 1832 году. Хотя по ряду субъективных причин работа Клаузевица более известна, а публикация указанной книги Жомини на 200 лет практически была забыта, можно утверждать, что первой теоретической работой, непосредственно относящейся к теории стратегии, является как раз русскоязычная публикация книги Жомини (хотя и написанная им по-французски). Таким образом, Санкт-Петербург можно считать исторической родиной теории стратегии.

Стратегия как наука первоначально была связана с анализом жизнедеятельности полководцев, исследованием войн и отдельных сражений. Затем, уже в середине XX века, стратегия как практика, анализ и обобщение этой практики в основном на уровне здравого смысла формировалась в трудах, посвященных хозяйственной деятельности и управлению бизнесом. И лишь потом появились исследования и книги, предлагающие первые практические рекомендации по разработке и реализации стратегии для государственных структур разного уровня, и труды, анализирующие и систематизирующие новый опыт.

Вместе с тем можно утверждать, что второе десятилетие XXI века стратегия встретила как молодая наука, находящаяся на первоначальной стадии формирования теоретических основ и методологии процессов стратегирования.

Изложенный выше краткий анализ формирования стратегии как новой науки, а также последующее обоснование ее методологии мною были впервые представлены в монографии «Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications», опубликованной одновременно в Нью-Йорке и Лондоне в 2015 году издательством «Routledge».

Стратегия как наука нуждается в исследовании и обосновании теоретических положений и категорий, которые, как и истоки любой науки, следует искать в философии.

Философские основы теории стратегии прежде всего связаны с двумя философскими школами: онтологией и экзистенциализмом. Онтология изучает практику, находя и исследуя причины несовершенства окружающего мира (как сказал Платон, «мир несовершенен»), обосновывая пути совершенствования жизнедеятельности общества.

Фундаментальной теоретической концепцией онтологии, разработанной в трудах великого Аристотеля, является «хорошая жизнь» и «эвдемония». Именно исходя из этих категорий определяются индивидуальные и общественные ценности, на достижение которых и, следовательно, на повышение качества жизни в конечном счете направлена практика стратегирования. Ин-

дивидуальные и общественные ценности систематизируются и концентрируются в категории «интересы объекта стратегирования». Практическая реализация интересов обеспечивается посредством формулирования приоритетов стратегии и их достижения. Но для реализации в стратегируемом периоде формулируются и обеспечиваются всеми видами ресурсов лишь такие приоритеты, которые имеют в своей основе конкурентные преимущества (или такие преимущества могут быть созданы в стратегируемый период). Этот этап стратегирования систематизируется в документ, который в методологии стратегии в последние десятилетия принято называть *видением*, хотя он с некоторыми уточнениями может называться и форсайтом (foresight).

Именно на данном этапе стратегирования проводится анализ и выбор из множества ценностных ориентиров общества и индивидуумов тех, что наиболее полно представляют общество и/или его подсистемы на данном этапе, затем происходит выбор таких интересов, которые возможно достичь в процессе реализации стратегических приоритетов, обеспеченных стратегическими преимуществами.

Философские основы этого и последующих этапов стратегирования, бесспорно, находятся в сфере философии экзистенциализма. Связь теории экзистенциализма с теорией стратегии определяется одной из главных категорий этой философской школы — *свободой выбора*. Это обусловлено тем, что сущностно все процессы стратегирования направлены на создание объектом стратегии таких качественных результатов его функционирования или деятельности, которые ведут к возможности выбора эффективных долгосрочных решений или производству объектом стратегирования услуг и продуктов, соответствующих выбору общества и его членов. В частности, стратегирование деятельности предприятий всегда ориентировано на производство товаров или оказание услуг, отвечающих интересам потребителей, корпоративным или индивидуальным, в соответствии с их выбором.

Поскольку теория стратегии только формируется, методология этой науки в значительной степени основывается на анализе практики и первоначального практического использования тех научных рекомендаций в сфере стратегии, которые проистекают из изучения и обобщения практики, анализа успехов и поражений в процессе реализации ранее разработанных и использованных стратегий во всех сферах человеческой деятельности. Стратегия как новая методология и практика находит свое место и устанавливает взаимосвязи с другими науками и методологиями, направленными на разработку и реализацию долгосрочных решений. В то же время реализация любых решений долгосрочного характера возможна только посредством применения методологии и инструментов среднесрочного, текущего и краткосрочного характера. К таким инструментам относятся тактика, текущее и оперативное планирование и управление. Эти инструменты в более близкой перспективе эффективны при реализации стратегии в той степени, в какой они основаны на использовании конкурентных преимуществ.

ществ объектов стратегирования, обеспечении всеми видами ресурсов, если они осуществляются под руководством лидера, воодушевленного идеей воплощения стратегии и конкурентного сценария на практике.

Выявление и исследование философских начал стратегии, анализ ее практики должны быть направлены на разработку наиболее общих правил — законов и постулатов стратегии, методологии их реализации.

Как обосновывается в моих публикациях, законы стратегии связаны прежде всего с влиянием фактора времени на все стратегические решения, которые всегда носят долгосрочный характер. Основополагающие законы и правила стратегии соотносятся с вопросами асимметричной информации в процессе принятия долгосрочных решений, особенно эффективных асимметричных, с предсказуемостью этих решений для конкурентов и противников. Важнейшие постулаты стратегии связаны с обязательным требованием, предъявляемым к приоритетам, разрабатываемым в процессе стратегирования по их обеспеченности, во-первых, конкурентными преимуществами и, во-вторых, всеми необходимыми финансовыми, материальными, инфраструктурными ресурсами, лимитом времени и человеческим капиталом.

Ниже приводятся модели и некоторые их элементы, которые недостаточны для реального счета, но в этом случае необходим еще один ряд ограничений. Поэтому приведенные модели и их элементы носят концептуальный характер.

Используемые количественные показатели (или характеристики) при выборе стратегического сценария: P_k — множество возможных сценариев региональной технологической политики в регионе k ; P_k^j — сценарий j региональной технологической политики в регионе k ; Q_k^j — множество стратегий в регионе k в соответствии с региональной технологической политикой по сценарию j ; q_{ik}^j — стратегия i в регионе k в соответствии с технологической политикой по сценарию j ; Z_{ik}^j — множество тактик согласно стратегии i , политике по сценарию j в регионе k ; z_{sik}^j — тактический сценарий s согласно стратегии i , политике по сценарию j в регионе k .

Иерархическая модель выбора возможного стратегического сценария:

$$q_{ik}^j \in Q_k^j \Rightarrow z_{sik}^j \in Z_{ik}^j \Rightarrow p_k^j \in P_k,$$

где k — индекс региона; j — индекс сценария региональной технологической политики P ; i — индекс стратегии предварительно выбранного сценария; S — индекс тактики предварительно выбранной стратегии.

Модель выбора оптимальной стратегии:

$$\sum_l [U(q_{ik}^j)] \times \gamma_{ikl}^j \rightarrow \max,$$

где $[U(q_{ik}^j)]$ — интегральный социально-экономический эффект интенсивной эксплуатации стратегии i , политики по сценарию j в регионе k ; γ_{ikl}^j — идентификатор булевского типа, который равняется единице, если выбрана стратегия i , во всех остальных случаях — нулю.

При этом

$$\sum_l \gamma_{ikl}^j = 1, \forall i, j, k.$$

Концептуальная модель оптимизации тактики:

$$\sum_s [f^p(z_{sik}^j)] \times \eta_{sik}^j \rightarrow \max,$$

где f — функция интегрального социально-экономического эффекта; $[f^p(z_{sik}^j)]$ — интегральный социально-экономический эффект применения тактики s согласно стратегии i , по сценарию j , политики p из множества политики P_k в регионе k . Эффект ориентирован на основные цели региональной технологической политики корпорации; η_{sik}^j — булева переменная, значение которой описывает выбор в соответствии с тактикой, стратегией и регионом в j сценарии политики: 1 — если была выбрана тактика s , 0 — во всех остальных случаях.

Условия применения тактического сценария:

$$\sum_s \eta_{sik}^j = 1, \forall i, j, k.$$

Кроме того, могут быть и другие ресурсные лимиты и условия:

$$\sum_s [d_l(z_{sik}^j)] \times \eta_{sik}^j \leq R_l^i, \forall l, i, j, k,$$

где \forall — квантор для всех сочетаний ресурсов; $[d_l(z_{sik}^j)]$ — затраты ресурса l при реализации тактики s в регионе k по сценарию j ; R_l^i — максимально возможный расход ресурса l в регионе k по стратегии i и ее сценарию j .

Ресурс можно понимать крайне широко: начиная от базовых экономических факторов и заканчивая влиянием природных, экологических, трудовых и даже культурных ограничений.

Модель выбора оптимальной политики в регионе:

$$\sum_j [c(p_k^j)] \times \eta_k^j \rightarrow \max,$$

где $[c(p_k^j)]$ — интегральный социально-экономический эффект от реализации сценария j , политики P в регионе k ; η_k^j равняется единице, если выбран сценарий j политики P , и нулю во всех остальных случаях.

$$\sum_j \eta_k^j = 1;$$

$$\sum_j [m_l(p_k^j)] \times \eta_k^j \leq N_l, \forall k,$$

где N_l — общая величина ограниченного l ресурса в k регионе; $[m_l(p_k^j)]$ — количество расходуемого ресурса l по сценарию j , политики p при тактике s .

Конечно, можно после выбора возможного стратегического сценария записать концептуальную модель оптимизации тактики. Но тогда возникает ряд проблем многокритериального выбора, пока таких решений нет, а если точнее — их очень много в соответствии с принципом Парето.

Модель выбора оптимальной стратегии также может быть формализована, чтобы отразить реальные,

имеющие место ограничения, но это усложнило бы данную модельную запись.

Поскольку стратегия — новая, молодая наука, то ее модельный аппарат и подходы к ее оптимизации в процессе принятия реальных стратегических решений пока недостаточно проработаны и предполагают исследования специального экономико-математического моделирования. Большинство стратегий вообще не оптимизированы, в них не используются экономико-математические модели. Если во втором десятиле-

тии XXI века модельный аппарат процессов разработки стратегии преимущественно связан с оптимизационным подходом или только с оптимизационными моделями концептуального уровня, то для стадии реализации стратегии, ее мониторинга уже существует несколько экономико-математических инструментов практического использования. Для мониторинга реализации стратегии, особенно региональных стратегий, наиболее эффективными из ныне существующих представляются агент-ориентированные модели.